

1891 год

«Рерих вступил в Академию художеств в 1893 году, но совершенно правильно исчисление его художественной деятельности от срока более раннего. Последние годы его ученичества (гимназия Мая) отмечены уже такой степенью сознательности в отношении к искусству и личным заданиям, что эти годы подготовки к Академии и выступления в печати можно вместе с тем считать и первым этапом его творчества.»

С этим временем совпадает и появление первых более или менее значительных литературных работ Рериха в различных повременных изданиях («Звезда», «Мировые отголоски» и т. д.). Эти статьи касались отчасти теоретических вопросов искусства, в некоторой степени заключали впечатления художественных выставок. Особо следует отметить в период 1891—1892 гг. статьи Рериха, помещенные в исторических изданиях.»

Гидони. В защиту искусства. 1916 г.

ЗИМНИЙ СЕЗОН В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ УЕЗДЕ

Зима стоит настоящая. Снегу много.

В казённой даче обложено до 7 января около 11 медведей. Волков много, и смелость их доходит до того, что недавно, например, один волк забрался в хлев. В большие стаи волки не собираются, - ходят по 3, по 4. Рысей в эту зиму менее чем в прошлом году. Недавно, охотясь на зайцев, я напал на следы двух больших рысей, недалеко от гумна. Оказалось, что они тут поблизости лежали и пошли, может быть, испуганные моими выстрелами.

Зайцев много, но больше преобладают русаки и так называемые егерями «серебряки» (вероятно, метисы от русака и беляка). Беляков совсем мало видно.

На замёрзших водах много кряквы, они весьма чутки. После долгих бесплодных попыток мне удалось, ползком по снегу, подкрасться к ним и дублетом выбить 3 штуки. Убитые оказались замечательно жирным.

Куропаток много. Окрестные мужики истребляют их сетями и петлями.

Довольно много у нас разных сов, от которых тоже приходится терпеть куропаткам.

Машинописная копия в архиве Музея-института семьи Рерихов в СПб.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Однажды, возвращаясь с неудачной охоты, я увидел среди небольшого озера трёх крякв. «Дай, думаю, выстрелю, хоть ружьё разряжу». Дробь у меня в ружьё была 8-го нумера, но я, подкравшись к уткам шагов на 30, всё-таки выстрелил. Результаты моего выстрела были таковы: одна из уток лежала мёртвая, другая улетела, а третья сидела по-прежнему спокойно на поверхности озера, будто ничего не произошло. Я уж хотел по ней из другого ствола

выстрелить, да егерь меня остановил: «Погодите, - говорит, - барин, мы её так, руками возьмём, она, верно, раненая». Поблизости, на счастье, нашёлся небольшой досчаник, и мы поехали за добычей. Боясь, чтобы утка не улетела, я всё время держал ружьё наготове, но, к моему удивлению, утка не только не полетела, но даже, при нашем приближении, не проявила никаких признаков страха или беспокойства.

Когда мы подъехали к ней, я достал её из воды и посадил на дно нашего досчаника, она нисколько не противилась и так же спокойно продолжала сидеть на досках, как и на воде. Пришедши домой, я осмотрел её, и она оказалась раненною в левую часть головы; ранка была еле заметная и скорей походила на царапину. Над этой уткой я произвёл следующие опыты. Я её внёс в комнату и, посадив на полу, подпихнул - она пошла, пока не стукнулась головой о стену. Потом я её подбросил на воздух - она полетела, пока, ударившись о стену, не упала, но сейчас же вскочила, оправилась и приняла прежнее своё спокойное положение. Когда я ей дал есть, то должен был ткнуть её носом в еду, и она ела, пока не съела всё, что было на тарелке. Когда кто-нибудь начинал ловко подражать утиному кряканью, моя утка тоже начинала крякать, пока подражавший кряканью не замолчал. Замечательно, что во всё это время утка не проявляла никаких признаков самостоятельности и двигалась без всякого сознания, как автомат. Я решил оставить её жить, чтобы наблюдать за нею. На следующий день я её вынес на улицу и посадил на крыльцо; она так же спокойно сидела на улице, как и в комнате. Но тут я отошёл от крыльца, а когда возвратился, то увидел мою утку во рту дворовой собаки. Я бросился, отбил её у собаки, но у неё было повреждено горло, и она тут же околела. Даже схваченная собакой, утка осталась совершенно спокойной и не оказала никакого сопротивления.

Н. Перих

Охотничья газета. 1891. 4 февраля. № 6. С. 91.

ЧЕРТА ХАРАКТЕРА ТЕТЕРЕВА

Я уже несколько раз, на охоте за тетеревами, наблюдал следующую интересную черту их характера.

Случилось, что на одно дерево во время охоты с собакою по выводкам сели 2 тетерева, один повыше, другой — пониже.

Мой егерь усмотрел их и указал мне, говоря: «Бейте, барин, нижнего, тогда верхний не улетит». Мне такой совет показался в высшей степени странным, но я, желая проверить правдивость слов егеря, выстрелил по нижнему. Он упал, верхний же смотрел сверху на упавшего собрата и не летел прочь. Потом я вторым выстрелом убил и его. Этот же факт мне пришлось проверить ещё раз на охоте по выводкам и потом несколько раз на токах.

Я расспрашивал об этом местных деревенских охотников, и они мне все подтвердили этот факт, объясняя его следующим образом: на токах сидящие выше тетерева потому не летят после выстрела, что в своей горячности ничего не понимают, а на охоте по выводкам тетерева не летят от страха. Между прочим, надо прибавить, что все они знали эту особенность тетерева. Первое из их объяснений, насчёт охоты на токах, ещё может быть отчасти и верно, но второе - весьма невероятно, так как нельзя подумать, чтобы тетерев от страха не мог лететь. То же самое говорят деревенские охотники и про глухарей, но мне этого не приходилось проверить. Нужно стрелять нижнего, а не верхнего,

только по той причине, что верхний, падая, может задеть сидящего ниже, и тогда тот улетает. Я слышал также, что эта же черта характера тетерева была замечена во время охоты с подъезда, но мне, к сожалению, ни разу не пришлось этого проверить.

Рерих

Охотничья газета. 1891. 18 февраля. № 8. С. 122.

ВОПРОСЫ

Прошное лето у меня вышли все пыжи, и я, не желая запыживать войлоком (пыжerezки у меня не случилось), попробовал запыжить тонко нарезанными кружками обыкновенной пробки. Результаты получились хорошие. Так что после этого я теперь всегда для пыжей покупаю в пробочной мастерской пробки и потом нарезаю их ножом на кружки. Особенно хороши эти пыжи для запыживания пороха, так как обыкновенные бутылочные пробки шире всякого ружейного калибра и при набивании патрона легко суживаются и крепко запыживают порох. Для запыживания дроби следует пробки обрезать пыжerezкой (которая должна быть калибра на 3 больше ружейного), а то пробки с не обрезанными краями слишком плотно запыживают дробь, что нехорошо влияет на бой ружья. Надо прибавить, что нельзя употреблять пробуровленные, уже бывшие в употреблении пробки, а надо покупать в пробочных магазинах свежие, цельные и без трещин. Об этих пыжах я говорил нескольким знакомым охотникам, у которых тоже они дали хорошие результаты. Я буду весьма благодарен, если кто-либо из товарищей-охотников укажет мне какие-либо неудобства употребления пробочных пыжей.

Н. Рерих

Охотничья газета. 1891. 1 апреля. № 14.

ИЗ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО УЕЗДА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБ.

Глухари и тетерева токует; но стоявшие холода на Страстной и Святой неделе сильно мешали току. 23, 24 и 25 апреля по ночам шёл снег, и тетерева совсем мало пели, а другие и вовсе не вылетали на ток. Подходить к глухарям весьма трудно, так как вода к утру покрывается льдом и воды по лесам ещё порядочно. 24 налетели вечером 6 глухарей, из которых 4 кряхтели, поутру заморозило, и пел всего один. Вальдшнепы, вследствие холода и ветров, последние дни тянут плохо. Рябчик на пищик летит хорошо. Около 12 апреля затоковал бекас. 23-го летели турухтаны. 24-го видел сивок и кроншнепов. Около 22 начали класться скворцы и дрозды. Вороны уже с неделю начали кладку. На озёрах каждый день можно встречать крякв, чирков, свиязей и шилохвостей. Днём термометр держится около 4° Р; ночью до 2° мороза.

25 апреля.

Н. Рерих

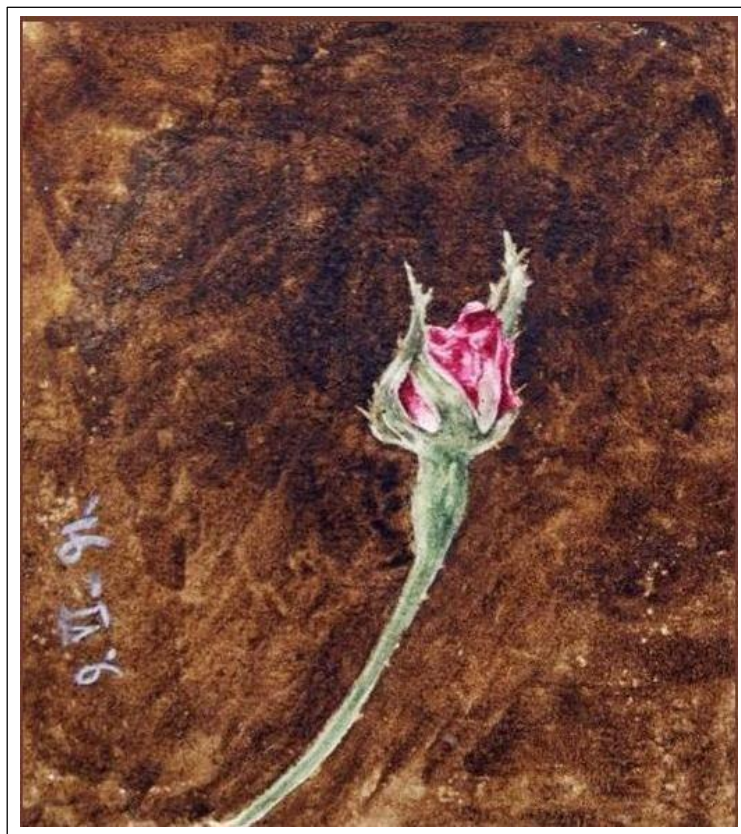
Охотничья газета. 1891. 13 мая. № 19.

«Известный скульптор Михаил Осипович Микешин, старый друг Константина Фёдоровича Рериха, увидел работы молодого Рериха, заинтересовался ими и убедил Константина Фёдоровича в том, что сыну надо серьёзно заняться.

С этих пор (1891 – 1892) Рерих стал часто заглядывать к Микешину, наблюдать за тем, как он рисовал, и так учился. «Его, новичка в этом царстве», совсем голодного. пленила и фантазия, и манерность рисунков скульптора, и ученик старается рисовать точно так же, на той же бумаге, теми же карандашами, как и учитель». (С. Эрнст «Н.К. Рерих». 1916.)

«Вот я с 1891 года занимаюсь рисованием, а только теперь установилось своё и явилось своё воззрение. А то всё было раздражительное»

(Из письма Н. Рериха к Антакольскому Л. от 11 июня 1895 г.)

Н.К. Рерих. Бутон розы. 9 июня 1891 г.

**Из дневниковых записей Е.И. Рерих:
4 июля 1921 г.**

- Мориа давно руководит вами. Н Рерихом – с 1891 г., Е. Рерих- с 1910 г.

Е.И. Рерих. «Записи Учения Живой этики», т. 1. М. 2002 г. С.139.

8 июля 1891 г.

ИЗ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО УЕЗДА С.-ПЕТЕРЬ. ГУБ.

Несмотря на не совсем благоприятную для вывода весну, выводков сравнительно много, но так как вывод был довольно поздний, то дичь к 15 июля вряд ли достигнет своей величины. Насколько я заметил, особенно много будет тетеревей, ибо выводки часты и очень велики; так, я нашёл несколько выводков штук по 10 и 12. В одном из найденных мною выводков около 25 июня дети были уже в половину матки, между тем, в другом были только что вышедшие из яиц. Глухарей выводки тоже многочисленны. Рябчики вывелись уже в конце мая и в самом начале июня. Белых куропаток, насколько я слышал, будет много, но вообще в наших краях численность этой птицы, сравнительно с прежним временем, всё уменьшается, вероятно, от ревностных охот на неё. Зато число серой куропатки всё из году в год увеличивается. Кстати, я слышал, что благодаря разведению в Гатчине, в угодьях императорской охоты фазанов, эта птица начинает появляться в соседних местечках; так, теперь фазаны появились около станции Кикерино, верстах в 35 от Гатчины. В конце мая приходило несколько крестьян продавать молодых лисиц; этого зверя ещё много.

Н. Рерих

Охотничья газета. 1891. 8 июля. №27. С. 424.

19 августа 1891 г.

ОХОТЫ В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ УЕЗДЕ

Наступило 15 июля, и кругом загревели выстрелы; всякий шёл на охоту - и интеллигентный охотник, и мужичок-промышленник. Особенно отличаются крестьяне: они уходят в лес дня на 3, на 4 и из своих лыком подвязанных ружей истребляют громадное количество дичи. Собак порядочных у промышленников почти нет, и поэтому бьют они всё на манку: разгонят, например, выводок, отдохнут часик, другой, сделают шалашку и начинают манить; подойдёт matka, хлопнут её, опять отдохнут, опять поманят - и уж до тех пор не отойдут от выводка, пока не перебьют весь или большую часть его. Мужикам в наших краях лафа, особенно в местностях, прилегающих к Варшавской железной дороге. Там, благодаря тому, что часть леса той местности принадлежит лесопромышленникам, охотой не занимающимся, мужики смело и почти беспрепятственно охотятся в ней, и поэтому там, несмотря на роскошные моховые болота и непроходимые леса, можно проходить целый день, не увидав совсем дичи. Конечно, есть земледельцы, которые держат бдительных сторожей и стараются ограждать дичь от истребления, но за промышленниками трудно уследить, и только страх строгого взыскания может удержать их от браконьерства.

Числа 14 июля вылетели на мочевины бекасы; за раз можно было подымать штук по 6, по 7, но они скоро опять куда-то скрылись. Дупелей совсем не видно; не знаю, что-то будет на пролёте. Недавно убил чибиса; у нас это довольно редкий гость. Я его убил рано утром у озера, он летел с юга на север. Хотя эта птица принадлежит более южной полосе, но я знаю случай выводка чибисами детей около станции Плюсса Варшавской ж. д., впрочем, они были там всего одно лето и потом куда-то скрылись. Также в конце июля под мой выстрел попался орёл-беркут; когда из него начали делать чучело, оказалось,

что желудок и зоб были совершенно как тряпки, без всякого присутствия какой-либо пищи.

В наших краях с каждым годом увеличивается количество хищных птиц. Особенно много луней, сарычей, сов и соколов. Кругом казённые леса, где лесники всячески истребляют их, чтобы представлять лапы в императорскую охоту, да и другие охотники тоже им потачки не дают, а они и знать не хотят. Поля и леса положительно усеяны хищниками. Я во время охоты за тетеревами совершенно случайно убил 6 сарычей, 3 сокола и 2 ястреба; все они сами налетали на меня. Но всё-таки в оберегаемых угожьях лесной и полевой дичи много. Особенно много серых куропаток, но удачной охоте на них помешает ещё почти совсем незрелый овёс. Приходится откладывать охоту до сжатия овса, до конца августа и начала сентября.

Тетеревей много. Но странно, что в выводках всё чёрные тетерева, и самки составляют не более как пятую или шестую часть. Косачи понемногу начинают бормотать; скоро, верно, начнётся осеннее токование. Вальдшнепов выводки были, как первые, так и вторые, большие; первые штук по 6, а вторые по 4 и по 3. С весны их в наших краях бывает много, но осенние выпки бывают немногочисленны и редки.

Я слышал, что будто бы серая куропатка другой раз без всякой посторонней причины делает вторую кладку в середине июля. Не знаю, можно ли дать веру этому известию.

Н. Перух

Охотничья газета. 1891. 19 августа. № 33.

31 августа 1891 г.

ЛЮБОПЫТНАЯ КНИЖКА

Недавно ко мне попала книжка дешёвого издания под громким названием: «Наши благодетели - сарыч и ворона». В этой книжке я нашёл несколько странных и любопытных мест, которые я и хочу разобрать.

Сперва процитирую их подлинно:

1) Правда, вороны обижают иногда цыплят в деревнях, да это изъян небольшой, и надо только повесить мёртвую ворону на палку - они и отстанут. А польза от ворон, галок и грачей несметная. (Стр. 27).

2) Ворона - птица умная, дружная. Зверька побольше ей обидеть - не под силу; она мышей ест, да червей. Убивать ворон - настоящее преступление. (Стр. 23).

3) Другие большие птицы: лунь и осоед тоже полезны - изводят мышей. (Стр. 22).

4) Особенно пускай все отцы закажут своим детям гнёзд птичьих не разорять, а особенно вороньих, галичьих и т. д. (Стр. 34).

5) Сарыч, он [же] канюк, копчик, скопа. (Стр. 1).

Теперь рассмотрим эти пункты отдельно.

Во-первых, странно это слово «иногда», вероятно, автор поставил его по ошибке вместо «всегда», так как разве пропустят вороны не только цыплёнка, но даже курицу, утку и т. п. домашнюю птицу? Я знаю случаи, когда на защиту от ворон приходилось растягивать сети и не выпускать из-под них кур. О действительности средства, рекомендуемого в этой книжке против ворон, я думаю, не стоит распространяться, довольно, если скажу, что прошлое лето, несмотря на то, что по берегам озера висели убитые вороны, их сородичи пере-

таскали чуть не на глазах целый выводок домашних уток. Само собою, что этому же можно привести десятки примеров. Весьма странно выражение, что польза от ворон несметная. Конечно, я не буду отнимать хороших качеств у вороны, как то: истребление вредных насекомых, мышей и грызунов, но мне кажется, что эта польза совершенно почти ступёвывается перед вредом, наносимым этой птицей, так как ворона разоряет гнёзда полезных птиц, истребляет громадное количество яиц, уничтожает всходы и семена хлеба и кормовых трав, также и плоды; ворует всё блестящее, обламывает молодые побеги, засоряет сады помётом и, наконец, истребляет птиц даже больших самой себя и, вследствие своей прозорливости, решается нападать на зайцев.

Таким образом, автор мог бы сказать, что вред, наносимый вороной, особенно в южных местностях, где много грызунов, может уравниваться с пользой, приносимой этой птицей, но говорить прямо, что польза несметная, о вреде же почти умалчивая, - весьма странно. Никто не сомневается, что ворона - птица умная, например, ум её выказывается в том: когда ворона собирается нападать на зверька (который больше её ростом), напр., зайца, то она старается сперва выклевать ему глаза, а потом уже, ослепив его, окончательно добывает.

Говорить о том, что ворона обижает зверьков, которые больше её, - нечего; я сейчас рассказал, как ворона нападает на зайцев.

Также совершенно неизвестно, почему убивать ворон настоящее преступление? Потому ли, что она истребляет массу яиц и птенцов разных весьма полезных птиц, или почему? Затем говорится, что луни полезны; никогда до сих пор не слышал этого, а знаю только, что луни, и то кроме камышового, могут быть терпимы в сельском хозяйстве. Следовательно, и тут автор выразился чересчур сильно, что мешает правдоподобности его рассказа.

Конечно, если автор считает ворону птицей, которая приносит несметную пользу и которую убивать - настоящее преступление, то он совершенно прав, запрещая разорять их гнёзда; но так как мы видели, польза от вороны не только не несметная, но даже, особенно на севере, и совсем ступёвывается перед вредом, то, я думаю, истреблять вороньи яйца даже довольно полезно для хозяйства и для всего.

Так у вороны обыкновенно бывают по 4 яйца, то сколько же эти 4 молодые вороны погубят яиц и птенцов-мухоловок, чеканов, славков и т. п. безусловно полезных птиц?

Поэтому, мне кажется, недурно бы было не только не запрещать разорять гнёзда, но даже назначить плату за яйца этой птицы (прибавлю, везде в северной и средней России).

Теперь остаётся последний и самый любопытный пункт; это, что «сарыч, он же канюк, копчик (sic), скопа (sic)».

Что это такое значит - я не мог догадаться; ведь это всё равно, что сказать: легавая, она же гончая, борзая.

Так все три животные - собаки, и все три охотничьи, но, между тем, эти собаки ничего общего между собою не имеют. Также и здесь, конечно, что канюк, копчик и скопа - все птицы и все, притом, хищные, но канюк принадлежит к роду сарычей, копчик - к соколам, а скопа - к скопам. Можно предположить, что всё сказанное о сарыче можно сказать и о копчике, и о скопе (и то с натяжкой), но зачем же скупиться на слова, тем более, что без этого получается что-то не совсем понятное.

Затем, эта книжка, как видно из слога, написана для народа. Неужели автор думает этой книжкой разубедить мужичков в их старинном убеждении

против ворон? Если это так, то пусть лучше автор оставит это дело: мужички гораздо более доверяют своему многолетнему опыту, чем этой книжке.

Не буду уже упоминать о других интересных местах книжки, напр., о том, как галки собирают мошек со спин лошадей и т. п., а замечу автору, что ворона и грач - не одно и то же, что по пользе, приносимой ими, их смешивать нельзя, так как хотя польза от грача не особенно велика: он истребляет мух и земляных червей, но она всё-таки несравненно больше пользы, которую приносит ворона. В заключение только прибавлю, что редактирована эта книжка журналом «Русское богатство».

Русский охотник. 1891. 31 августа. № 34.

РУКОПИСЬ вышеприведённой статьи (ОР ГТГ, ф. 44/44, л. 1-7.):

ЛЮБОПЫТНАЯ КНИЖКА.

(Возражение на книгу «Наши благодетели, сарыч и ворона».)

Недавно мне попала одна книжка весьма любопытного содержания, под названием «Наши благодетели, сарыч и ворона»; имени автора, предусмотрительно, не означено, а указано только то, что она издана под редакцией журнала: «Русское богатство». Это для меня составляет тоже неразрешимую задачу, каким образом такой журнал, как «Русское богатство» мог редактировать и пропустить столь замечательную книжку? Эта книжка написана для народа и вышла уже в 1886 году, но так как я наткнулся на неё только недавно, то и был лишен возможности, более своевременно, указать автору все его заблуждения, но что ж делать, я думаю, всё-таки, лучше поздно, чем никогда.

Я сперва собирался (вначале) процитировать все интересные места, но потом пришлось отказаться от этой мысли, так как пришлось бы списать около трети всей книжки; и поэтому я решил разобрать отдельно только наиболее любопытные места.

1. Вы открываете книгу, и на первом месте под заглавием вам бросается в глаза следующая замечательная фраза: «Сарыч, он же канюк, копчик? скопа?»^{1х)} (sic). Надо прибавить, что знаки вопроса поставлены не мной, а в тексте. (Это, верно, сам автор удивился, когда у него из-под пера вышла подобная чепуха, и хотел обратить внимание читателей на это место, или же наборщик, хотел предостеречь читателей от этого выражения).

Ведь это всё равно, что сказать: «гончая, она же сеттер, такса». Конечно, это все будут собаки, и даже все охотничьи, но далеко не одно и то же, даже и по наружности. То же самое написал и автор, благодетельствованный воронами и сарычами, так как все названные им птицы суть хищные, но совершен-

^{1 х)} курсив мой. (Н.Перих)

но не одно и то же, различающиеся не только по нравам и по образу жизни, но даже по оперению и по росту.

О канюке я ничего не говорю, потому что канюк составляет отдельный вид сарычей, которые разделяются на канюков (*Buteo lagopus* Brunn) и сарней (*Buteo vulgaris*), но что общего нашёл автор между *сарычем канюком* (*Buteo lagopus*), *копчиком* (*Falco Vespertinus*. L) и *скопою* (*Pardion haliaeetus*), я право не знаю, они ведь даже принадлежат к совершенно различным родам: канюк относится к роду сарычей (*Buteonidae*), копчик к роду <пустельг> или неблагородных соколов (*Falconidae*), и скопа к роду скоп (*Pandion*).

Оказывается между этими тремя птицами нет ровно ничего общего, даже нет и созвучия в их названиях.

Что же, спрашивается, побудило автора писать такую чепуху??

Любопытно отметить также и то, что автор, как взял перо в руки, выдумал заглавие своей книжке, так и ляпнул чушь, способную отбить всякое желание читать все последующее.

2. «*Сарыч живёт, начиная от Московской губернии и дальше на полдень*» (sic), (стр. 1)

В высшей степени было бы интересно знать, откуда автор почерпнул сведения, что Московская губерния является ~~границей~~ пределом северного распространения сарычей? Я, например, знаю и даже очень хорошо, что сарычи водятся и в Петербургской губернии, и ещё дальше на север, об этом же свидетельствуют и зоологии:

1. Иверсен в своей зоологии, которая составлена по подобным авторитетам, каковы Брем, Лейнис, Богданов, Кесслер и др. говорит: «Сарыч канюк водится по всей Европе, западной Азии и в Северной Африке; Сарнь водится там же где и предыдущий».

2. Симашко говорит: «С. Канюк водится в лесах северных стран, а арнь в странах более умеренных».

3. Гримм говорит: «Сарыч живёт в Европе и Средней Азии».

4. Гердт на основании заметок Кайзерлинга и Блазиуса говорит: «С. Сарнь живёт в Европе, Малой Азии, северной Африке, а с. Канюк в Европе, Сибири, Африке и северной Америке».

5. Профессор G. Науек также ничего не упоминает про Московскую губернию.

Где же? Где нашёл автор такие сведения о Московской губернии? Почему он не предпочёл Петербургскую (-----), или, наконец, Новгородскую, Костромскую или т.п. какую-нибудь другую, или, может быть, он отдал предпочтение Московской потому, что книжка его была напечатана в Москве?

Затем идёт описание жизни сарычей, списанные за малыми изменениями с известных зоологий и потому без грубых ошибок. Хотя и тут автор, желая прибавить хоть что-нибудь от себя, тоже порядочного напутал, так как по первой вступительной фразе мы должны ожидать от него описание сарыча канюка, но не сарня, которого он совершенно игнорирует, а он вдруг приводит случай из жизни сарыча сарня.

3. Автор говорит, что «*другие большие птицы: лунь и осоед тоже полезны: изводят мышей*». Конечно, польза этих птиц состоит единственно в том, что они изводят мышей, но автор забывает о вреде, наносимом ими. Ну, ещё осоед (*Pernis arivorus*) может быть признан птицею, приносящею больше пользы, чем вреда, но за лунями (*Circinae*) даже зоологии, часто снисходительные в таких случаях, признают большой вред, который луни наносят истреблением полезных птиц и животных, а такие разорением гнезд.

Вообще, автор, стараясь выгородить хищных птиц, упоминает только о пользе приносимой ими, совершенно умалчивая о вреде.

4. После описания сарычей и луней автор ополчается на защиту главных своих друзей - ворон и приводит в их защиту ряд неосновательных и своеобразных убеждений. Например, он пишет (стр. 23): «*Ворона птица умная, друж-*

ная. Зверька побольше ей обидеть не под силу; она мышей ест, да червей». Профан, пожалуй, ещё скажет, какая скромная пища у вороны! Чтобы разубедиться в своих словах, автору не мешало бы заглянуть на страницы таких почтенных изданий, как например, «Природа и Охота», или «Охотничья газета», там он нашёл бы много прекрасных описаний, о нападении ворон на птиц и зайцев (например см. Охотничья газета за 1891 г. стр. 95, 342, 600 и др.), которые, как кажется, немного побольше их ростом. При этом ворона обнаруживает много ума, так как, когда ей приходится иметь дело с более сильным существом, то она сперва выклёвывает ему глаза и потом уже приканчивает его, обыкновенно призывая на подмогу сородичей? Более об этом пункте я не распространяюсь; из приведённого примера ясно видно, «что ворона не стесняется ни силою, ни ростом противника».

5. «Убивать ворон - настоящее преступление (*sic*)... «смерть каждой вороны приносит большой вред сельскому хозяйству и лесоводству». Справедливость своих слов автор доказывает только тем, что вороны мышей потребляют, не упоминая ни единым звуком о том, сколько полезных птиц истребят вороны и сколько яиц они уничтожат.

Автор говорит, что вороны «ходят за пахарем и из-под сохи клюют червей», но он совершенно забывает, что вороны, не гнушаются и семенами. А также автор упускает из виду, что ворона с поля полетит в лес и уничтожит гнездо такой – безусловно, полезной птички, как славка или чеккан и т.п., в гнезде которой лежат штук 6 или 7 яиц, А это ещё вопрос, кто больше уничтожит червей и вредных насекомых – одна ворона или семь птиц, пища которых состоит исключительно из червей и насекомых. Между тем, как ворона, (следует заметить автору), птица совершенно всеядная, она положительно ничем не брезгает, что хотя сколько-нибудь съедобно, будет ли это из царства растительного или животного.

6. «Правда, вороны обижают иногда цыплят в деревнях, да это изъязн небольшой и надо только повесить мёртвую ворону на палку, они и отстанут» (ст. 28).

(Остаётся только, прочитав такую доверчивую фразу, воскликнуть *santa simplicitas!*)

Да неужели же автор и вправду верит в производимое им средство и в скромность ворон, по его словам, это и весь вред, наносимый воронами, да и то одна мёртвая ворона навсегда спасает дворовых птиц от нападений её сородичей. На практике же выходит, что мёртвая ворона защищает дворовых птиц дня на 3, на 4 никак не больше, а потом что же? Автор, верно, скажет убейте другую ворону и т.д., но ведь если через каждые 2 дня каждый хозяин будет убивать по вороне, то это и выйдет то же самое истребление. Да потом, допустим, что это средство и действительно, то всё-таки оно применимо только по отношению к дворовым птицам, а чем же прикажет автор защищаться ещё более беззащитным в этом отношении тетеревам, куропаткам и другим полезным птицам; ведь нельзя же развесить по всему лесу мёртвых ворон. Для того, чтобы увериться, что вороны варварски истребляют этих птиц, автору опять только стоит заглянуть на страницы вышеупомянутых мною журналов. Чтобы показать вред и пользу, наносимый воронами, я процитирую место из зоологии Иверсена: (II часть, стран. 95) «...Истреблением вредных насекомых, между которыми ворона особенно охотно ест хрущей и их личинок, мышей, сусликов, хомяков и падали – эти птицы оказывают нам весьма значительные услуги; но разоряя гнезда мелких птиц, уничтожая всходы и семена культурных растений, а также плоды, своим обыкновением

воровать все блестящее, наконец, обламыванием молодых древесных побегов во время постройки гнёзд и засорением садов пометом, они могут причинить и некоторый вред».

(К сожалению надо прибавить, что в зоологии за перечислением такого незначительного вреда, как засорение садов помётом, стушёван более существенный вред наносимый воронами). По этой выноске мы видим, что вороны приносят пользу истребляя зверей, обитающих в степях юга (сурков, хомяков) и падаль, что также более важно на юге, т. е., другими словами, зоология говорит, что вороны ещё могут быть терпимы на юге, что нисколько не исключает их вредности на севере и в умеренном поясе, а я надеюсь, что автор не будет отрицать, (как это случилось при описании сарыча), что вороны водятся также и на севере.

Профессор Кайгородов в своей статье: «Лесные птицы» (см. <стёрто автором> за 1888 стр. 572) говорит, что «... не везде вороны проявляют хищнические наклонности в одинаковой степени: в одних местностях они являются несомненными и весьма вредными хищниками, в других – только некоторые экземпляры занимаются хищничеством и разбойничаньем, ...». Далее он же говорит: «Одно только ~~можно сказать~~ нужно при этом заметить, что раз ворона вступила, так сказать, на праведный путь хищничества, она уже с него более не сойдёт, а будет продолжать идти по нему и совершенствоваться в этом направлении».

Первая из этих выносок подтверждает моё мнение о том, что вред и польза, приносимые воронами, не одинаковы в различных местностях, а вторая тоже утверждает выше высказанное моё мнение о том, насколько недействительно средство для защиты дворовых птиц, рекомендуемое автором, т.е. вывешивание мёртвой вороны.

Из всего сказанного можно видеть, насколько справедливы громкие слова автора: «убивать ворон настоящее преступление». (Впрочем, может автор полагал какое-нибудь другое слово, так как в тексте напечатано не преступление, а *приступление*). Да если бы в этих словах автора и была капля правды, то наверно бы закон, наказывающий всякое преступление, воспретил истребление ворон и наказывал его, а ведь, как известно, закон не воспрещает различным обществам назначать премию за голову убитой вороны (от 10 коп. даже до 20 коп.).

Конечно, автор может любить ворон и может иметь своё личное мнение о воронах, ведь *de gustibus non disputandum est* [*о вкусах не спорят (лат.) – ред.*], но к чему же навязывать такое исключительное и своеобразное убеждение всему обществу.

Затем автор говорит, что «люди закаялись бить ворон» и в доказательство этому приводит пример о том, что и в Англии не бьют грачей. Было бы весьма желательно, чтобы многоуважаемый автор не смешивал этих тоже различных птиц, так как грач это *corvus frugilegus*, а под именем вороны подразумевается *corvus cornix*. Грач - это птица, вполне заслуживающая пощады, тогда как ворона - птица вредная.

Вообще у автора замечается, что в местах, где иссякает его источник красноречия в пользу ворон, там он вдруг без последовательности перескакивает, берёт в долг пользу других птиц грачей *s. frugilegus* и галок. <*s. Monelula turgium*>, ловко маскируя переходом от имени вороны серой *s. cornix* к общему названию семейства, так как эти 3 разные вида птиц принадлежат к одному семейству. ворон (*corvidae*). В настоящем случае автор действует, как Цицерон, ибо, не имея более действительных способов выгородить своё протезе – ворону, он прибегает к игре слов и т.п. А что под именем вороны автор полагает *corvus cornix*, а не целое семейство *corvidae*, то это видно из его слов (см.

стр. 33); “галка уживается в дружбе со своей сестрой и с воронами”, значит под словом ворона не полагается всё семейство.

Оканчивает автор своё повествование религиозной фразой, что “вороны, галки и грачи даны нам на пользу Богом”. Таким образом, он начинает свою книгу смешением различных вредных и полезных птиц (как-то: сарыча и скопу, ворону и грача) и оканчивает свою книгу этим же. Верно, уж очень он любит всё обобщать. (Ещё слава Богу, что он не обобщил сарыча и ворону, не написал сарыч, он же ворона или ещё что-нибудь в этом духе).

Как-то грустно делается, когда прочитаешь подобную книжку. Какие воззрения составятся у мужика, прочитавшего эту книгу: что сарыч, копчик и скопа одна птица с 3-мя названиями, что вороны полезны и т. п. Положим, что несущественно, будет ли мужик иметь представление о жизни сарыча или нет, но всё же, если уж задаться мыслью проводить в народы знания по орнитологии, то их надо, во-первых, передавать верно, во-вторых, их следует излагать ясно, а не запутывать и придавать двусмысленное значение, к чему прибегает автор для доказательства своих воззрений.

Затем, неужели автор думает, что у мужика нет своего убеждения и что он, прочитав его книжку, так и поверит ему? Нет, и тысячу раз нет! У мужика уже крепко сложилось мнение о воронах, как о хищниках, которые приносят ему вред, а уж раз мужик задумал что-либо, то, по словам Некрасова, трудно это выбить у него из головы, особенно такими запутанными и неосновательными доводами, какими старается достигнуть этого автор.

Его книжка может оказать своё вредное влияние только на крестьянских детей, которые обучаются в сельских школах и куда имеет доступ его книжка.

Да будет стыдно автору, который старается ввести в народ такие ложные мнения. Мне лишь одно нравится в авторе этой любопытной книжки – это его предусмотрительность, ибо, не доверяя своим аргументам, при разборе таких новостей в области орнитологии, он покрыл своё имя мраком неизвестности.

Со своей стороны я хотел только указать автору, то всяким допущениям и обобщениям бывает предел, переступать который нельзя; и чтобы он не думал, что все глупости, написанные им, остаются незамеченными, а факты, выставляемые им, остаются без проверки. Я говорил только на основании зоологий, опыта и периодических изданий, и каждое моё слово могу подтвердить более точными и пространственными доказательствами.

Feci, quod potui, faciant meliora potentes.. [«Я сделал [всё], что смог, пусть те, кто смогут, сделают лучше» (лат.) – ред.]

Адрес. Васильевский Остров. Университетская наб. Дом № 25/1. Кв. № 8. Н. К. Рерих.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/44, л. 1-7.

ЖИВУЧЕСТЬ ЗАЙЦА

В морозный декабрьский вечер я сидел в сарае на душистом клевере, поджидая зайцев, которые обыкновенно целыми десятками приходили ночью, полакомиться. На моё несчастье луна зашла за тучу, стало темно. Вдруг какая-то тень пронеслась через поле, другая, третья. Зайцы начали подходить, я выбрал переднего, обстоятельно приложился и выпалил - заяц, как сидел, так и грохнулся на снег. Я ещё просидел часа полтора. Зайцев подходило много, но стрелять всё было неудобно.

Наконец, большой русак подскочил ко мне шагов на 15 - я выстрелил, но заяц, к моему огорчению, только завертелся и побежал прочь, сперва очень скоро, потом всё тише и тише и так скрылся из виду. Я зажгёт спичку и, по колёно в снегу, пробрался к тому месту, где был заяц. Там было порядочно крови.

Удивился я, как это заяц, очевидно раненый дробью № 00, убежал, однако поиски отложил до следующего дня, так как у меня не было лыж и было темно. На следующий день поднялся северный ветер, вздымавший целые столбы пушистого снега. Конечно, место происшествия было занесено. Но кровь выдала зайца, она со снегом свернулась маленькими красноватыми шариками. По ним-то я пошёл, и шагов за 50 от места, где стрелял, нашёл зайца. Поверите или нет, но он был ранен следующим образом: передние лапы были в колёне сломаны, задняя была прострелена и, кроме того, поранен пах.

Как он мог бежать, один Бог ведаёт, но, верно, он бежал на костях, на колёнах, потому что передние лапы были у него положительно чуть не оторваны, и весь он был залит кровью. Вот после этого и говорите, что заяц слаб на рану.

Н. К. Перух

Русский охотник. 1891. 28 сентября. № 38. С. 598-599.

ИЗ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО УЕЗДА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБ.

Осенняя охота в полном разгаре. Каждый праздник железнодорожные вокзалы бывают переполнены десятками самых разнообразных охотников. Поохотиться действительно есть за чем. Серых куропаток много, и охота по выводкам весьма добычлива. На облавах приходится убивать много зайцев, косачей и рябчиков. Косачи в морозные утра поют, а по окончании песни, часов в 6 ½ - 7 часов утра, близко подпускают, так что можно иной раз стрелять из-под собаки. Рябчики с первых чисел сентября на пищик идут хорошо, так что в утро можно убить штук 5-6. Начался пролёт вальдшнепов, и теперь в небольшом лесу можно встречать высыпки штук от 5-10.

Бекасы ещё летят, особенно под вечер их можно много встретить на мочевилах. В конце августа встречал нескольких кроншнепов, их в нашем краю очень много. Дупелей нет и не было, просто надо удивляться, куда девалась эта птица, которой прежде так было много. Уток местных и налётных масса; особенно хороша бывает вечерняя тяга. 11 сентября летели гуси стаей штук в 60. В конце августа на озимых полях появились стада сивок, штук по 15-20. Тогда же появились стайки турухтанов и кроншнепов-трескунов. Свиристелей и дроздов совсем мало, вероятно, благодаря полному неурожаю на рябину. Сарычи улетели. Сокола пока ещё тут. Странно — 15 сентября я встретил во

время охоты за куропатками несколько перепелов; неужели они так поздно улетают?

Ласточки пока ещё здесь. 3 сентября летели стадами грачи. Журавлей во все не пришлось наблюдать.

Зайцев будет много, и по пороше можно будет славно поохотиться. Медведи на овёс ходили вяло, верно, из-за обилия клюквы и брусники. Волки в окрестностях зарезали несколько баранов и жеребят. Убыль воды в реках и озёрах незначительная. Погода тихая, но почти каждый день бывает дождь.

Н. К. Перих

Охотничья газета. 1891. 30 сентября. № 39. С. 615.

ИЗ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО УЕЗДА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Выпал было снежок, да почти уже весь и сошёл. По первой пороше было много зайцев, лисиц и волков; также видели следы рысей и лосей. Особенно много лисиц и волков; смелость последних доходит иногда до крайних пределов; так, напр., в конце октября волки чуть не со двора стащили годовалую телушку. Ни одна собака не смеет вечером выйти за деревню. Также довольно много в этом году белок, но ими наши промышленники как-то пренебрегают. Тетеревей много; егеря говорили, что видали стада штук в 20 и больше.

Серых куропаток тоже много, и они иногда громадными стадами подходят вплоть к жилищам. Крякв порядочно по незамёрзшим водам.

Замечательно в нашем уезде преобладание русака: беляк попадаетея всё реже и реже.

Н. К. Перих. 5 октября

Охотничья газета. 1891. 11 ноября. № 45- С. 715.

О ВТОРОЙ КЛАДКЕ ДУПЕЛЯ И ПЕРЕПЕЛА

Прочитав в № 38 «Охотничьей газеты» статью Вербицкого «Из Черниговского уезда», я нашёл в ней, между прочим, вопрос о том, существует ли у дупеля вторая кладка?

Совершенно такой же вопрос интересует и меня, потому что в прошлом году 15 июля я нашёл в болотистом лесу дупеля; так как собака не отходила, то я поискал среди мха и нашёл 2-х птенцов, только что вылупившихся из яйца, чуть ещё не мокрых. По сравнительно позднему для вывода времени у меня тогда впервые явился вопрос: что это была — запоздавшая первая или вторая кладка? В настоящем году я узнал, что один охотник случайно нашёл гнездо дупеля с птенцами ещё в пуху около 5 июля во время охоты за утками. Всё это меня заставляет думать, что, вероятно, и у дупеля, как у вальдшнепа, существует вторая кладка. Интересно было бы знать, не случалось ли кому наблюдать того же у бекасов и гаршнепов, и не менее интересно узнать мнения других охотников о второй кладке дупеля.

В конце первой половины августа я нашёл перепёлку с детьми, ещё открытыми черноватым пухом. Так как я мало знаком с перепелами, то мне очень интересно знать, что это — запоздавшая первая или вторая кладка?*

Н. К. Перих

Охотничья газета. 1891. 7 октября. № 40. С. 631.

**Из Царскосельского уезда Петерб. губ.
Осенний ток тетеревей. — Гуси. — Вальдшнепы. — Гаршнепы. — Серые
куропатки. — Зайцы. — Хищники**

30 сентября пробовал было начать охоту на чучела, но ещё рано, и тетерева хотя и летали, но всё-таки не садились. Погода просто весенняя, так что на припёке днём до 20° тепла, но ночью, особенно к утру, уже морозит; доходит до 4° мороза. Под вечер, когда бываешь в лесу, просто так и кажется, что вот-вот протянет вальдшнеп. Утром бывает ещё более похоже на песню, так как тетерева прекрасно поют. 30-го сентября заметил стаю гусей, штук 20; они долго кружились над озером, но всё-таки не сели.

Вальдшнепы ещё тут; последний раз охотился 2-го октября и убил пару. Тогда же у озера убил гаршнепа. На утиной тяге чуть не убил глухаря: Я стоял уже часов в 9, и было совсем темно; вдруг через озеро летит большая птица — по шуму и полёту я узнал глухаря — и садится на сосну, шагах в 50-ти от меня. Темнота испортила всё дело, и глухарь улетел.

Серые куропатки ещё подпускают хорошо, и, несмотря на позднее время, можно по ним охотиться с собакой: я убил 1 октября 5 штук, из-под собаки.

Зайцы, несмотря на полный листопад, в полях ещё мало показываются. Русаки уже совсем вылиняли, беляки белеют. Эту зиму будет много лисиц. Волки тоже пошаливают в окрестностях. Утки стали тянуть очень поздно, часов в 9 или позже, так что можно стрелять только при луне. Рябчики на пищик идут хорошо. Перелётные хищники все улетели. Теперь хозяйничают вороны и сойки: на них, как говорится, и грозы нет.

Также изобилуют наши поля одичавшими кошками; в конце сентября я убил пару.

Местные охотники раскладывают падаль и ждут волков и медведей.

Н. К. Рерих

Охотничья газета. 1891. 21 октября. № 42.

Н. Рерих. Зарисовки зверей. 1880-е.

О ПРЕДОХРАНЕНИИ РУЖЬЯ ОТ РЖАВЧИНЫ

Без сомнения, у всякого охотника сердце обливается кровью при виде как пачкается и ржавеет его ружьё при зимних охотах.

Заинтересованный вопросом, как бы предохранить ружьё от ржавчины, я был познакомлен одним инженером с металлическим лаком. Но он только и мог сказать, что такой лак существует, но что и как, он ничего не знал. Я отправился в лаковую фабрику, где и приобрёл баночку светлого лака для металлов в 25 коп. Пришедши домой, я, предварительно вычистивши все наружные металлические части ружья, покрыл их тонким слоем лака.

Так как лак спиртовой, то он в каких-нибудь 10 минут засыхает. Об этом лаке я по личному опыту могу сказать следующее: сырости он, если положен ровно и аккуратно, не пропускает и вполне предохраняет ружьё от ржавчины, но держаться он может не более 2 1/2 недель. От жары слезает и клеится, так что летом он не применим. Но зимой, когда от снега, сырости, наконец, от пота рук и мороза ружьё сильно страдает, я думаю, этот лак принесёт большую пользу. Я полагаю употреблять его следующим образом: перед отъездом на охоту начистить наружные металлические части ружья и покрыть их слоем лака, ровным и не густым, а то всё-таки является желтоватый оттенок. Затем, после охоты, можно или совсем очистить его мокрой горячей тряпкой и покрыть части вазелином или только добавить лак на попортившиеся места. Летом, когда тепло, лак неудобен; от соединённой теплоты атмосферы и выстрелов он клеится, но зимой, когда сравнительно холодно, он клеиться не может и вполне предохраняет ружьё от ржавчины. Если в тёплый зимний день и произойдёт такое избиение, что стволы от выстрелов значительно нагреются, то стоит на время лишь опустить стволы, и они живо охладятся. Но зимой такой сильной стрельбы я не предполагаю, зимой почти всегда решается дело 1 или 2 выстрелами.

Вот всё, что я знаю о лаке для металлов, думаю, что он должен оказать некоторую пользу охотникам. Было бы интересно знать, не пробовал ли кто-либо из товарищей-охотников употреблять этот лак и не может ли чем-либо дополнить мои сведения?

Н. К. Перух

Русский охотник. 1891. 9 ноября. № 44.

Письменные работы Николая Рериха по истории России

Конспект (черновой вариант)

Вступление.

А. Общественная жизнь.

1. Вече.
2. Отношение простого народа и дружины к князю.
3. Религиозные обряды и верования.
 - а. Кудесники и волхвы.
 - б. Похороны.

Промыслы Занятия на

4. ~~За~~ Промыслы.
 - а. Звериный промысел.
 - б. Пчеловодство.
 - в. Скотоводство.
 - г. Выделывание кож.
 - д. Хлебопашество.
5. Торговля рабами.
6. Домашняя жизнь.
 1. Характер славян.
 - а. Женщины того времени.
 - б. Отношения между собой членов семьи.
 - в. Гостеприимство и хлебосольство.
 2. Предметы питания.
 - б. Простого народа.
 - а. Князей и бояр.
 3. Утварь и посуда.
 4. Славяне Развитие хозяйства.

Заключение.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/44. Л. 21.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ ^{XX}

XX) как назвал свою летопись Нестор

ЧЕРТЫ БЫТА РУССКОГО НАРОДА ПО ЛЕТОПИСИ НЕСТОРА

Летопись ~~Нестора~~–монаха Киево-Печерского монастыря Нестора служит для нас единственным источником к ознакомлению с бытом русского народа. Конечно, эта летопись ~~мы не можем вывести пол~~ не может рисовать нам полной картины быта наших предков, так как составитель её, наверно, даже и не предполагал, что его повесть временных лет будет интересна в отношении сведений о быте русского народа, он писал её как назидательное поучение о промысле Божьем.

Поэтому мы принуждены довольствоваться только сравнительно немногими ~~характерными~~ чертами быта русских славян, которые ~~встречаются~~ мы находим в этой летописи. ~~Слов~~ Племена русских славян управлялись обыкновенно князьями, но, тем не менее, общие дела решались на вече, народном собрании.

На вече всякий мог высказать своё мнение, никакого различия между классами на вече не существовало, если даже самый незнатный гражданин подавал разумный совет, то ему делали предпочтение пред мнением знатных людей. Князья русские всячески старались расположить к себе простой народ и для этого часто делали пиры, на которые являлся всякий без всякого различия. ~~Дружина князя~~ Со своими дружинниками князь обращался как с товарищами, не предпринимая без согласия дружины ни одного дела, также и дружина обращалась с князем не как с начальником, а как со старшим товарищем.

Религиозные верования занимали в быту русских славян весьма видное место, на это указывают разные ~~поверия~~ кудесники и волхвы, в которых русский народ имел большую веру. Даже сами князья, ~~и те~~ отправляясь в поход, спрашивали волхвов о своей будущей судьбе и давали словам большую веру. Из всех обрядов мы находим в летописи Нестора описание только одних похорон. ~~и жизни~~ Над могилой обыкновенно насыпался высокий курган, а родственники оплакивали умершего и совершали над его могилой поминки или тризну. ~~сопровождая ее иногда разными~~ Также следует отнести к религиозным верованиям и месть, которая считалась ~~у русе~~ священным долгом, так что совершившие какое-либо преступление редко оставались ~~в живых~~ безнаказными.

Главными занятиями русского народа служили разные промыслы, так мы встречаем указания о существовании звериного промысла, пчеловодства, скотоводства, выделки кож и хлебопашества, которое в то же время достигло уже большого развития, так русским кроме ржи были известны пшеница и овёс. Кроме.....

[О ЗАПОРОЖЦАХ]
(фрагмент)

На другом берегу Днепра помещалась так называемая скарбница или кладовая, куда складывалось общее достояние сечи, как-то: оружие, пушки, порох и т.п. Таков был внешний вид сечи, этого гнезда тех смелых людей, которые, в своё время, наводили ужас на всех соседей; так что на первый взгляд ничего грозного или воинственного не было заметно в сечи, сечь казалась сборищем гуляк и бродяг, сошедшихся сюда со всех концов мира для какой-то бесконечной гульбы.

Действительно, редко где можно найти такое разнообразие населения, какое было в сечи. В сечь приходили люди по разным причинам: одних привела в сечь любовь к награбленному добру, к деньгам, к оружию - цель этих была обогатиться, потом отправиться назад; других - гнала в сечь нищета, и тут они не только не погибали с голода, но даже, если не проживали всего, могли и припрятать кое-что на будущее время; третьи приходили сюда просто перевестись с врагами веры Христовой, так как нигде они не находили столь удобного для этого случая, как в сечи; четвёртые приходили сюда, что[бы] избавиться от наказания, и вместо смерти они видели самую весёлую и беззаботную жизнь; пятые приходили сюда, чтобы после похвастаться, что они настоящие казаки-запорожцы; шестые ... да и не перечить за какими целями и по каким причинам стекались в сечь толпы вольных людей, так что тут были представители всех народов того времени, как цивилизованных, так и нецивилизованных.

Жизнь в сечи была каким-то нескончаемым пиром, так как казаки считали скучным в невоенное время заниматься изучением дисциплины, и только редко занимались стрельбою в цель, конными скачками и охотою на зверей.

Казаки не переставали гулять до тех пор, пока не выходило всё, что можно бы было отнести к шинкарю, тогда они с недолгими сборами отправлялись или в Анатолию, или на Татар, где и добывали себе цехинов, чтобы они опять от них перешли в руки <ж....>.

При всей этой шумной и пьяной жизни нравы запорожцев не были совершенно испорчены, в казаках было много и хороших качеств. Особенно развито было у казаков товарищество; обида, нанесённая одному запорожцу, была обидой всей сечи, не менее казаки стояли за веру и церковь, - они готовы были защищать их до последней капли крови.

Обычаи были весьма просты и не сложны в сече. Весьма почитались старые испытанные казаки, между тем, как избранное начальство почиталось только во время войны, а в мирное время начальники казацкие не очень-то могли перечить своим подчинённым. Все общие дела в Сече делались общим соображением или радю, во время которой часто дело доказывали кулаки.

Все должностные лица как-то: кошевой, есаулы, атаманы, судья и писарь были выборные. Главным лицом был кошевой. Ему во время войны давалась власть над жизнью и смертью казаков, словом, он был неограниченный повелитель; но в мирное время, кошевой не мог очень перечить казацкому решению, ибо, в противном случае, его лишали власти и на место его выбирали другого.

Вся сечь делилась на 60 куреней, над которыми начальствовали куренные атаманы. Каждый курень составлял как бы отдельную республику. Казаки

звали атамана батькой и вверяли ему на хранение все свои вещи. Часто курени ссорились между собой и тогда дело постоянно оканчивалось дракою.

Законы сечи были весьма несложны, но, между тем, они были строги, так как только страшные наказания могли смирить эту своевольную и беззаботную толпу. Как например, за кражу виновный привязывался к позорному столбу и всякий проходящий должен был ударить его палкой, пока его не забивали до смерти, а за убийство виновного вместе с убитым живого зарывали в землю. Вследствие последнего закона убийства в сечи были весьма редки.

Вот такова была сечь - это гнездо тех храбрых, вольных рыцарей, которые часто подрывали и власть татарских ханов, и турецких султанов, и польских королей.

Все время существования сечи поляки старались обратить в католическую веру её население, но попытки постоянно кончались походом казаков на Польшу и разорением многих польских городов и сел.

Отдел рукописей ГТГ. 44/24. л. 6. 6 об., 7. 7 об.

Н.К. Рерих. Запорожцы у сломанного дерева. 1894.

[О ЧЕЧЕНЦАХ]

Чеченцы живут по реке Сунж по северным склонам Аведийских гор и главного снегового Кавказского Хребта. Живут они большими аулами (деревнями), состоящими из сакль (или небольших мазанок, окна обыкновенно без рам, с одними только ставнями для предохранения от северных ветров). Внутренность сакли делится на несколько комнат, но главное место занимает, так называемая, кунацкая; здесь хозяин обыкновенно проводит большую часть дня, хотя первое назначение её - это для приёма гостей.

Кунацкая состоит из большой комнаты (а иногда даже и из нескольких); стены и пол её покрыты коврами, на стенах развешаны воинские трофеи хозяина сакли, в виде дорогих ружей, шашек, сёдел, пистолетов и т.п. Около стен иногда тянутся скамьи, на которых любит лежать хозяин, окружённый синими струйками дыма, выпускаемого из дорогой турецкой трубки с длинным чубуком. Окончательное убранство кунацкой составляет большой стол для пиров, на которые часто любят собираться беспечные Чеченцы. Вообще Чеченцы весьма падки до пиров и до всяких собраний; собираются они с различными целями: то для расспросов только что возвратившегося с какой-нибудь дальней поездки кунака, т.е. молодого воина, то для обсуждений каких-либо вопросов о набегах, или просто, чтобы посидеть за чашей, вспоминая былые времена.

Гость для чеченца священен, будь он хотя и из враждебного племени. Но раз он пришёл к его очагу и попросил себе смиренно приюта, чеченец умывает гостю ноги, сажает его на почётное место и, угостив самыми лучшими винами и кушаньями, оставляет его ночевать, уступая ему обыкновенно свою собственную постель, и на утро провожает его с благословеньями в дорогу. Но когда гость ушёл из-под его кровли, чеченец не отвечает за себя, что он на следующий же день при встрече с этим же гостем в горах не снесёт его головы ударом своей шашки.

Женщины Чеченцев весьма храброго и решительного характера, но, к несчастью, весьма легко увлекаются. С самого раннего детства они уже приучаются владеть кинжалом и оружием, так что при надобности часто прибегают то к помощи кинжала, то даже и к яду, как по отношению к себе, так и к другим. Одеваются они обыкновенно как мусульманские женщины и закрываются длинной чадрой.

Домашний быт Чеченца держится всецело женщиной. Она смотрит за скотом, готовит кушанья, растит детей до 5-6 лет, так как после этого времени мальчика отдадут на воспитание в какой-нибудь отдалённый аул, или, если он и остаётся дома, то мало-помалу выходит из-под присмотра матери, начиная упражняться в силе и ловкости, и привыкать обращаться с оружием и ездить верхом, чтобы со временем стать поддержкой отцу и дому.

Воспитателями своих детей Чеченцы обыкновенно выбирают людей опытных, старых, и при окончании воспитания, которое длится этак от 10-13

лет, когда наставник приводит своего питомца к отцу, обращаются с ним весьма почтительно, угощают его и, наконец, щедро одаряют. Цель воспитания - сделать из беспомощного мальчика, ловкого и не отступающего ни перед какой опасностью чеченца, который был бы защитником дома, но главное - сделать его грозным мстителем обид, нанесённых родственникам. При мщении обид Чеченцы не считают бесчестным напасть на врага даже, если бы он был изранен и безоружен. Но так как у Чеченцев во время их пиров и увеселений, вследствие их пылкого и восприимчивого характера, оскорбления наносятся часто, это понятно, что так же часты бывают и страшные мщения; а чтобы половчее владеть оружием молодёжь часто занимается борьбой друг с другом, стрельбой в цель, беганьем в запуски, верховой ездой и тому подобными упражнениями в ловкости и силе. Когда же молодой чеченец достигает 20 лет, то его берут уже в разъезды и набеги, где он мог бы показать своё умение владеть шашкой и ружьём.

Шашка для Чеченца вещь почти священная: она его радость и утешение, это детище, о котором он неустанно печётся; впрочем, хороший конь бывает тоже и иной раз не меньше любим, чем шашка. Вообще, и всё оружие дорого и мило чеченцу. Оно состоит из шелома, панциря, кольчуги, пищали, колчана, кубанского лука, грузинского кинжала, аркана, пистолета, щита и шашки.

В набегах и в войне чеченцы не любят нападать открыто на противника, но предпочитают, выждав его за утесом или за кустом, снести голову верным ударом шашки, или же, неслышно подкравшись, пронзить его своей острой, а иногда и отравленной стрелой; чеченец, подкравшись к беспечно стоящему врагу, накидывает ему на шею аркан и, не заботясь о его дальнейшей судьбе, скачет домой, безжалостно волоча за собой пленника по болотам, лесам, горам, оврагам; напрасно будет умолять о милосердии избитый, окровавленный пленник, чеченец остаётся глух и нем, пока не притащит несчастного пленника в аул, где бросит его на насмешки толпы, а сам пойдёт в круг своих курить общую трубку и толковать об удавшемся нападении. Пленника, между тем, если он очнётся, заковывают в цепи, и оставляют где-нибудь на задворках у забора до излечения ран, а после несчастный обречён всю жизнь пасти стада своего хозяина или же работать в качестве невольника уже не надеясь на освобождение.

Между тем, как рабы и бедные обитатели аулов занимаются полевыми работами, богатые проводят время в набегах или праздно сидят дома за чашей, отдыхая от бранных трудов и рассказывая друг другу о красоте своих коней и оружия, о пленных и о бранных подвигах.

Вследствие своего пылкого подвижного характера Чеченцы весьма скоро собираются в набеги: быстро вооружившись, садятся на коней и несутся в горы, оставляя беззащитный аул на волю Аллаха и на попечение женщин. Очень мирную картину представляет в это время аул: старики спокойно сидят кружками перед входами в сакли, выпуская струи дыма длинного чубука общей трубки и, вспоминая давно минувшие дни, слушают протяжные песни девушек, изредка прерываемые лаем сторожевых собак и криком смуглых голых ребятишек бегающих по опустевшей улице аула.

В настоящее время Чеченцы почти все принадлежат к суннитскому толку магометанской веры, но из многих обрядов и памятников можно заключить, что они были когда-то христианами, и потому некоторые обряды их составляют смесь христианского с магометанским. Например, обряд похорон произ-

водится следующим образом: покойник лежит в родной сакле, около него находятся его печальный отец и мулла, читающий молитвы. На дворе сакли стоят родственники и знакомые убитого и ждут, когда положат тело умершего на ожидающую его арбу, запряжённую парой волов. Но вот из сакли выходит отец умершего, окружённый толпой своих жён, за ним выходят два молодых чеченца, *ну* несущие на бурке труп, который и полагают на ожидающую арбу. Туда же кладут всё оружие его, сообразно с верованием чеченцев, чтобы умерший мог восстать исправным воином по призыву ангела Азраила в день страшного суда. (Уже из этого можно видеть смесь магометанской и христианской религий).

Затем умершего везут на место погребения, выбирают по возможности то самое место где испустил он дух.

По прибытии на место труп с оружием покойного прямо кладут в могилу и заваливают его, при чтении последних погребальных молитв, и затем, сотворив краткую молитву, окружающие расходятся по домам. Иной раз отец или ближайший родственник умершего зовёт присутствующих при погребении к себе, где угощает их уже установленными по этому случаю кушаньями. (Это бывает вроде наших поминок). Из других обрядов можно упомянуть о свадебном обряде. Он совершается так же, как и у магометан. Жених сговаривается с отцом или братом невесты о калыме или цене за невесту, платят его и после пира, который дают родственники жениха и невесты, увозят её в свой аул. О других обрядах можно сказать, что чеченцы любят справлять их с наибольшей опытностью, заканчивая их обыкновенно военными играми. Но вообще, можно сказать, что Чеченцы не особенно заботятся о религии, и часто пренебрегают ею.

Итак, мы видим, что Чеченцы представляют собою вполне тип горца, обособленный, как климатом своей страны, так и соседями, с которыми приходится ему вступать в сношения. Тип этот, долго сохранявшийся, пока все жители Кавказа были независимы, в настоящее время очень изменился под влиянием проникших на Кавказ европейцев.

Отдел рукописей ГТГ.

ф. 44/15 (лл. 8, 8 об.);

ф. 44/19, л. 22 об., л. 22. л.;

ф. 44/53 л. 21 об., л. 21

Собака ушла. 1890-е.

Из воспоминаний...

ЧУТЬЁ

Была у нас лайка Нетти – умненькая собачка. Когда пришло время щениться, её отвезли в собачью лечебницу на другой край Питера. Везли на извозчике всю закрытую – день был морозный. Щенят выпросил ветеринар, а Нетти привезли домой в автомобиле под вечер. Через день собачка пропала, и найти её не могли. Но через три дня ветеринар звонит и просит взять собаку. Оказывается, Нетти голодная, иззябшая царапалась в двери лечебницы. Спрашивается, какое чутьё привело её? Везли на руках, закрытую, путь был длинный.

Непонятно по нашему человеческому разумению, но по собачьему, по животному, выходит иначе. Помню, как врач Кострицкий посылал своего Фокса в нижний этаж со словами: «Там дама дожидается, поди, развесели её». Фокс распахивал дверь, мчался вниз, и было слышно, как он лаем и прыжками занимал посетительницу.

Н.К. Рерих.

Н.К. Рерих «Листы дневника», 1943 г.